

ЗАНАВЕСЬ ВСЕ окна. Выключи свет.

Не надо музыки. Просто посиди в темноте.
Вспомни всех, кому говорил сегодня «привет»,
И подумай о том, близки ли тебе все те,
Кого встретил сегодня, кому улыбался
и с кем шутил.

Кому строил глазки и кому ты плевался вслед.
Вспомни всех, кого ненавидишь, кого простил,
Будь то это даже твой вечно пьяный сосед...

Твой сосед, что за стенкой всю ночь гудит,
Запивает дешёвую водку сырой водой,
Балагурит, кричит, до обеда спит,
Спит один, без жены — он расстался с женой.

Вспомни брата, отца и родную мать,
Которых не видел уж третий год,
Уезжал — обещал звонить, навещать...
Хоть бы хны! Закопался, как в землю крот.

И сидишь в норе, только дни бегут
И летит душа мотыльком на свет...
«Мама, мамочка, это я, привет!» —
Номер занят... или мамы на свете нет.

Всё одно: опоздал, упустил, проспал,
Невесёлый расклад, как в плохом кино,

Ты в стоп-кадре, как в глине тяжелой встрял,
И не светит тебе ни одно окно.

А сосед, как назло, всё одно поёт,
Набухался — и ну голосить, как чёрт,
Про трамвай, что уже никогда не придёт,
И про всех, кого дома никто не ждёт.

А на улице гулко гудят провода,
А на улице ночь и прохожих нет.
Только в небе мерцает твоя звезда,
Обещая надежду на новый свет.

Значит, будет утро, сосед уснёт,
Чтобы снова встать и шары залить,
Будет новой жизни исходный счёт,
Можно будет снова пытаться жить.

СРЫВАЛАСЬ жизнь, как голос у подростка,
Как стebelёк, как камень, как звезда,
Срывалась просто так — обыденно и плоско,
Срывалась... и летела в никуда.

Чем дальше в лес, тем искушённой души,
Чем глубже в сон, тем ближе до рассвета,
Язык немеет, остаётся — слушать
И ждать — неочевидного ответа.

О том, как жизнь, срываясь и плутая
В лесу, во сне всё что-то ищет, чует,
Но не находит... и, как льдинка, тает,
Сама себя нещадно четвертует.

На чувства, мысли, на слова, на звуки
Зачем-то делит всё, ревниво разделяет,
И терпит, сносит неземные муки,
И — этой мукой — в вечность прорастает.

Я НАЧАЛ ЖИТЬ. И принялся кричать,
Орать, визжать, ногами дрыгать
Из-за того, что трудно передать,
О чём не прочитаешь в мудрых книгах.

Я начал жить. Я начал умирать.
И каждый раз при наступленье ночи
Я продолжаю с болью понимать,
Что стала жизнь на целый день короче.

Но что-то там, но что-то там — внутри
Растёт и расцветает постоянно,
С приходом ночи, с лучиком зари,
И это что-то остаётся безымянным.

И это всё, что будет после нас,
И это всё, что было до рожденья,
Что помогает жить в тяжелый час
И почему растут стихотворенья.

ХОТЯ, ЕСЛИ подумать, всегда есть выход,
И каждый вдох таит в себе выдох.
Пора перестать покупать одежду навыrost.
Роста уже не будет. Один лишь выхлоп.

Роста уже не будет. Сними с косяка линейку.
Буксиру не хватит соляры стать кораблем
линейным.

Всё-то мы знаем, но каждый мечту лелеет,
Пусть в глубине души, но каждый — такое
племя.

Такое вот племя людей. Венцов (венцов ли?)
творенья,

С надеждой глядящих вперед (насколько
хватает зренья),

Но, будь ты хоть гением, прачкою или царем,
Взгляд всё равно упирается в окоём.

Вот так и живем, а потом уходим в рассвет,
А может — в закат, но разницы в принципе
нет,

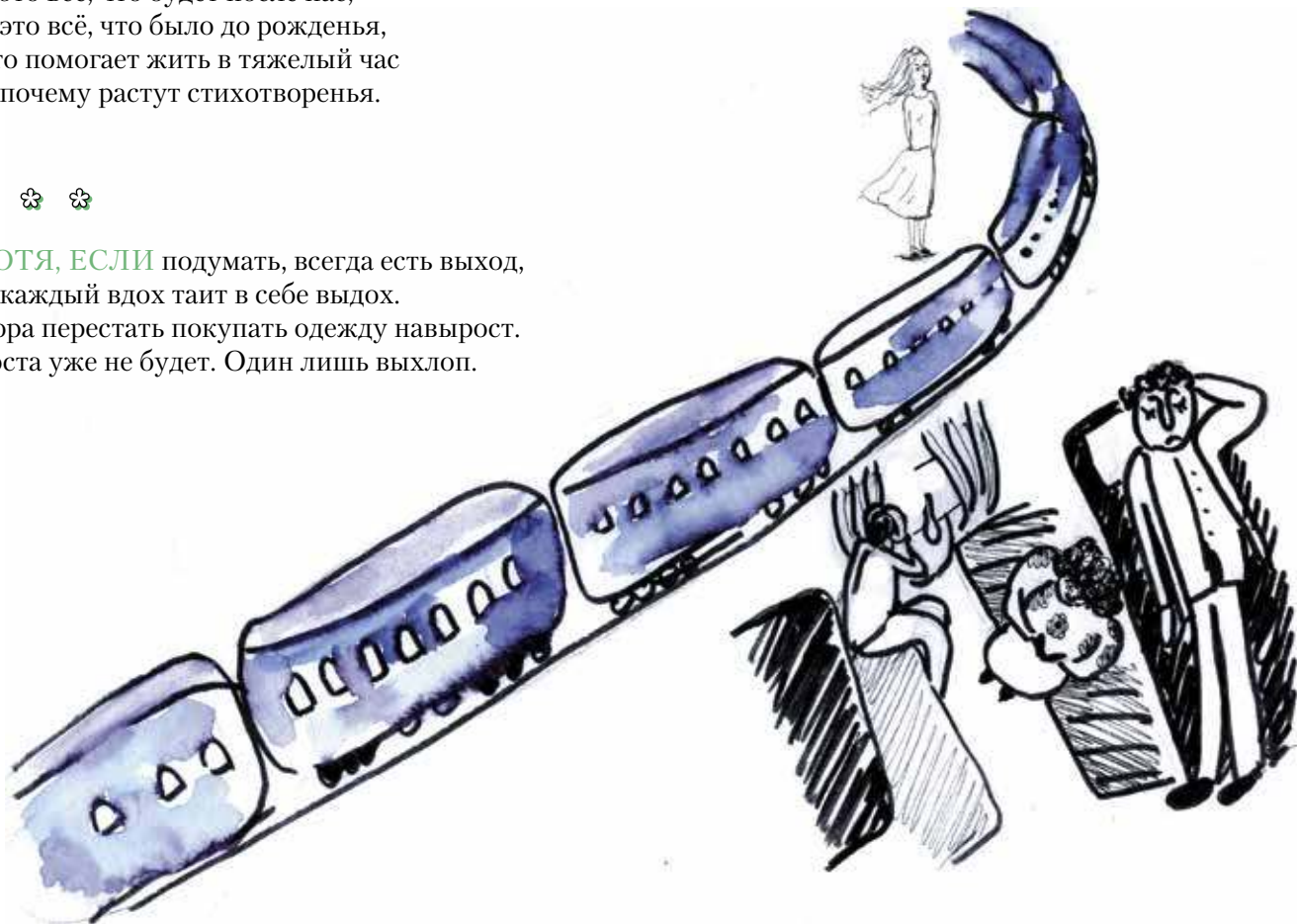
Разница есть только здесь, только здесь
и сейчас,

А после — играем не мы. Играют нас.

ПОЕЗД МЧИТСЯ из точки «И» в точку «М».

В поезде я. Сижу и ем
Лапшу «Доширак» и смотрю в окно.
И поскольку ночь — за окном темно.

На верхней — грозно храпит сосед,
Напротив дама — тридцати с лишним лет
Упорно читает Донцову, как будто ей
Экзамен сдавать летней сессией.

Иркутск всё дальше. В Иркутске ты.
Пытаясь уйти от своей пустоты.
Вернее, от пустоты меня рядом с собой,
Занимаешься всякою ерундой.

А я методично жую лапшу.
И себя никогда, никогда не прощу,
Что всё и дальше и дальше моё окно,
И поскольку разлука — за окном темно.

ПУСТЬ сердце в груди в двери к Богу стучится,
Но разум страшится услышать ответ,
Что в миг, когда смертная дверь отворится,
Окажется вдруг — что Хозяина нет.

ШАГ ВПЕРЕД — шаг в будущее или шаг
в пространство?

Право, тут можно и растеряться,
Если, конечно, это не шаг под едущий поезд,
Это уже не шаг, а взлет, на нём обрывается
повесть

Жизни, дошедшей до точки кипения ртути.
Всуе не стоит стенать о последней минуте,
Но без повода никто не шагнет с перрона
И не ринется в пропасть с отвесного склона.

Значит — всегда есть причина и есть начало,
Но вряд ли оно там, когда мать на руках качала.
Тогда — все невинны, чисты, как ластик,
Младенцы — почти Христы. Младенцы —
мудрее страсти,

Сжигающей жизнь, как капля съедает железо.
Разрушение — разве что в искусстве полезно,
Но вопрос в таланте. Талант — от Бога,
Хирургия бессильна в случае с ухом Ван Гога.

Что значит — шагать в ногу со временем?
Может это — об Анне Карениной?
Её случай — хронический в прямом смысле.
В нём Хронос ломает пространство и числа.

Больше не будет шагов в пространство.
Суть конца — постоянство.